

ОМСК

ЧЁРТОЧКИ И ТРЕЩИНКИ

*Вид на центр города Омска
с борта пролетающего над ним пассажирского самолёта*

Иду по Омску, а в мозгу звучат строки Анны Шаркуновой: «Влюбляются в тончайшие натуры \ И трещинки на розовых губах». И таких мелочей, «трещинок на розовых губах» у Омска множество. Историй порой негромких, но неподдельно искренних и оттого ошеломляющих.

Для того, чтобы по-настоящему полюбить город, нужно отыскать такие его чёрточки, трещинки, мелочи, из которых складывается неповторимый образ мегаполиса с яркой и непростой историей.

Я иду по улице Спартаковской, через Тарские ворота, что весьма символично, от острога к центру Второй Омской крепости. Впереди чернеет сутулая фигура каторжанина – Достоевский. Поравнявшись с памятником великому русскому писателю, можно перевести дух и оглядеться. По левую руку от меня – здание гауптвахты, где в пору воинского прошлого крепости располагалось Азиатское училище, которое иные с лукавой улыбкой именуют «омской разведшколой». Быть может, они и правы...

Справа – аккуратный, белокаменный Воскресенский собор, а прямо – выставочный сквер. Вот они – эти чёрточки, делающие Омск неповторимым и особенным. Фёдор Достоевский, изображенный скульптором Сергеем Голованцевым, идёт от острога, освобождённый от пут, истерзанный, но не сломленный. Впереди, там, за выставочным сквером, а тогда за плацом – одноэтажное здание литературного музея, носящего имя Фёдора Достоевского. Великий писатель идёт туда, преклониться перед комендантом, который когда-то, видя эмоциональный и физический надлом в молодом заключенном, дал ему менее тяжелую работу, тем самым спасая будущего классика.

У вас ещё не захватывает дух? Мы идём дорогой гения и повсюду, словно хлебные крошки в сказке, разбросаны намёки и напоминания. Здесь Достоевский шел от острога... Историки возразят: мы не знаем. Пусть так: здесь Достоевский мог идти от острога, мог остановиться там же, где мы сейчас, посмотреть направо, на белокаменные стены Воскресенского собора и сделать первый шаг через плац к дому своего спасителя. Он мог.

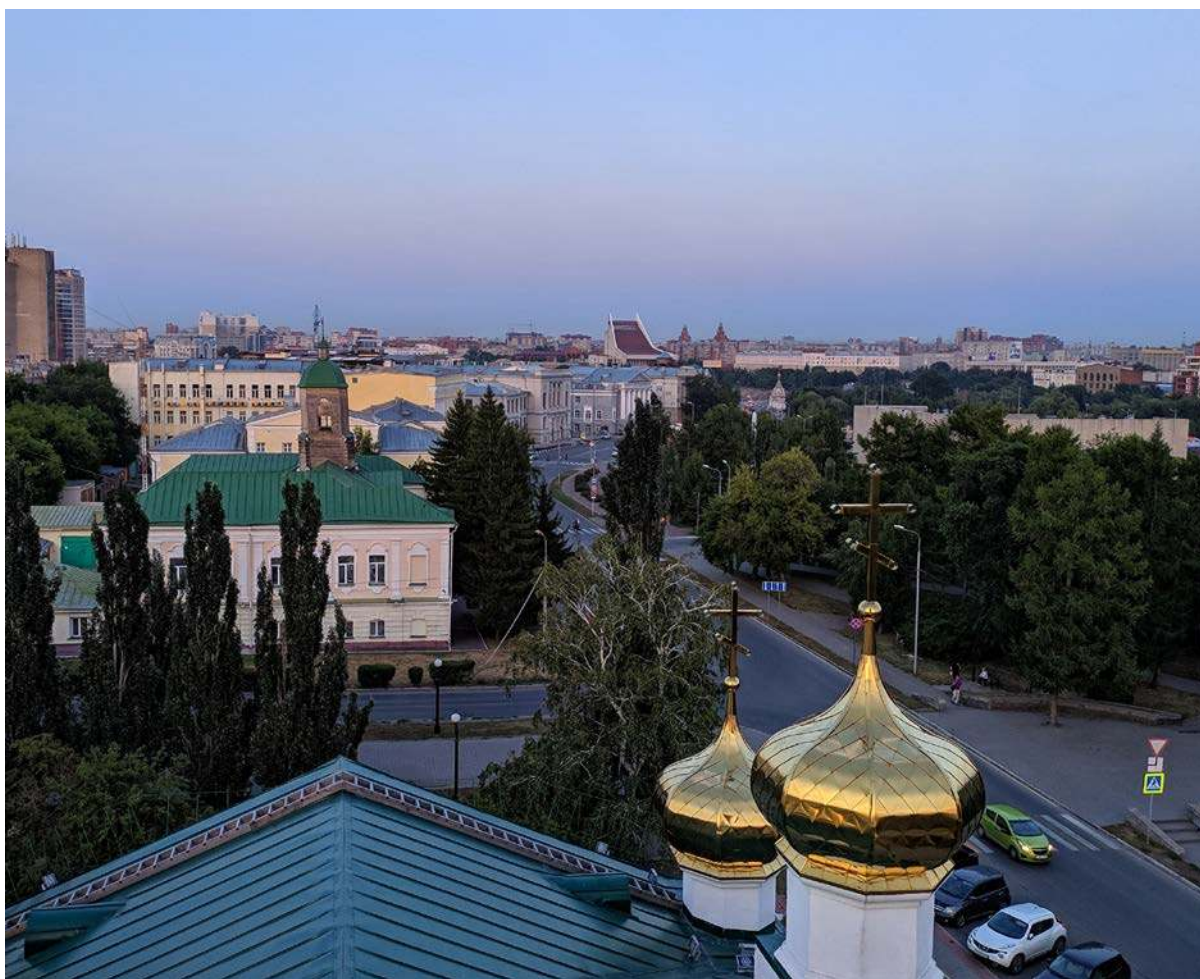
Но мы не последуем за классиком. Нас ждёт знакомство с первым каменным зданием второй Омской крепости – с собором. Воскресенский крепостной собор начали строить в 1769 году на пожертвования военных из гарнизона крепости, а спустя четыре года завершили внутреннюю отделку и установили иконостас.

Воскресенский военный собор

Весь он – напоминание о суровых армейских нравах и строгости. Если на фотографии закрыть ладонью верхнюю часть храма с куполами и показать снимок иногороднему человеку, тот может и не признать в каменном здании храм – внешний облик собора строг. Никаких сантиментов, никаких излишеств. Здесь, на одном из ключевых рубежей государства, иначе и быть не могло.

Внутри собора в ту пору хранились древние казачьи знамёна и дары государыни Екатерины Великой. Символы покорения Сибири, сокрытые в символе укрепления воинского духа и православной веры. У иконостаса собора смиренно склонял голову Достоевский, здесь был крещён Михаил Врубель.

Вид с колокольни Воскресенского военного собора

Кажется, даже кирпичи должны гудеть от близости к истории, к её неуправляемым потокам, увлекающим людей прочь от города и приводящих новых в город. Стоит начать распутывать этот клубок судеб – и не удержишь. Выскочит, покатится по тротуарной плитке. Одна нить – к зданию гауптвахты, другая – по направлению к острогу, третья – в земли грозных соседей-джунгар.

Когда в середине прошлого века собор был разрушен. Но в 2016 году был полностью восстановлен по старым чертежам. «Природа не терпит пустоты», - говорите? Кажется, город тоже её не терпит и порой возвращает из небытия купола и стены, а вместе с ними затрагивая те глубинные потоки.

Много всего? Много! А ведь я кручусь на маленьком, в несколько десятков метров, пяточке. И повсюду находится что-то интересное. От Воскресенского собора мимо памятника Достоевскому, размашисто шагаю к зданию гауптвахты, к «омской разведшколе». Самое время познакомиться с одним из старейших зданий на территории Второй Омской крепости. Ещё одна чёрточка на портрете Омска, «трещинки на

губах».

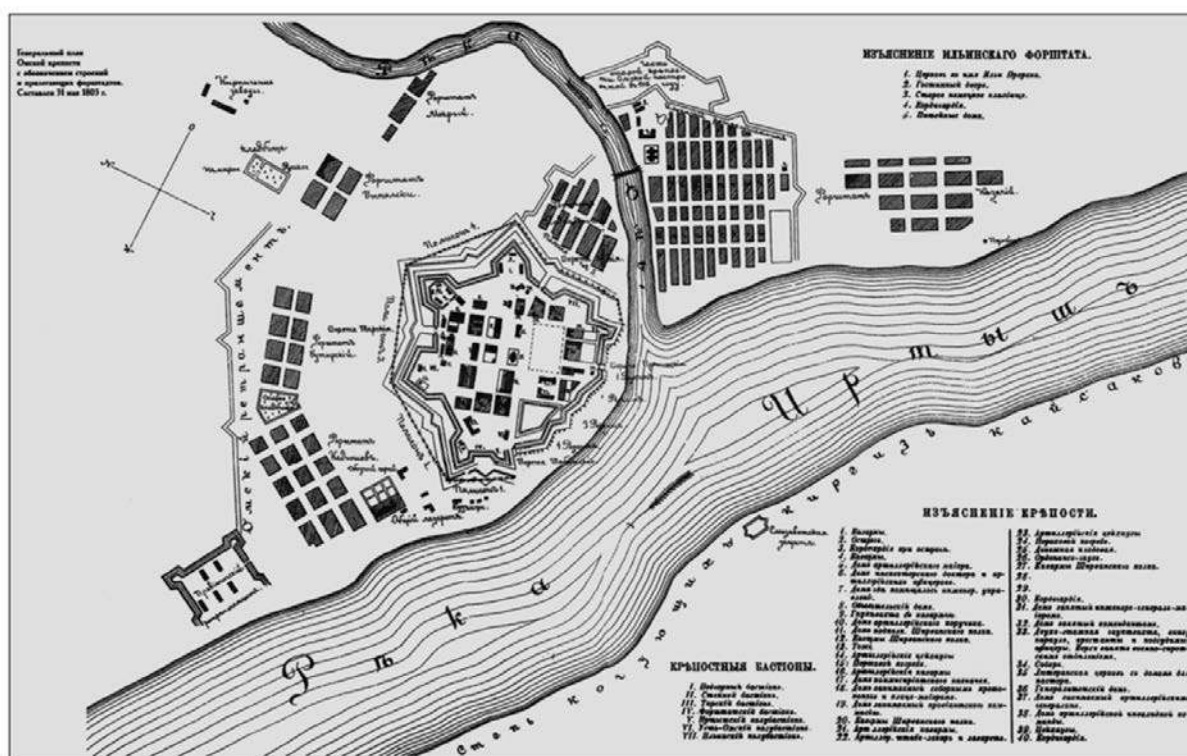

Фёдор Достоевский и Чокан Валиханов

С 1789 года в этих стенах действовала специальная школа для изучения «туземных и восточных» языков, получившая название Азиатского училища. Та самая «школа толмачей», как её называют порой горожане, та самая «омская разведшкола». Нелепое название, конечно – «разведшкола», но лишь на первый взгляд. Азиатское училище занималось подготовкой переводчиков для общения с азиатскими народами. Чиновники-мусульмане и казаки, служившие в пограничных гарнизонах, отправляли в школу своих детей, которых обучали татарскому, монгольскому и маньчжурскому языкам. Юным ученикам предстояло защищать словом и делом интересы своего Отечества на Востоке, дипломатией и умелыми торговыми договорённостями склоняя соседей России на нашу сторону, предупреждая возможные конфликты, добывая важные для государства сведения.

Такие незначительные, казалось бы, детали говорят о городе куда больше, чем лихая бравада о том, что Омск когда-то был столицей. Впрочем... Если хотите о столице, добавим символизма: на протяжении

некоторого времени в Омске действовала важная традиция – полуденный выстрел из пушки. Правда, традиция не совсем омская, пришедшая из Санкт-Петербурга. При чём же здесь Омск? Дело в том, что с 23 июля 1918 года город на Оми стал столицей Сибири по решению Совета Министров Временного Сибирского правительства, а менее года спустя, 13 июля 1919 года, Верховный правитель России Александр Колчак постановил каждый полдень производить выстрел из орудия, тем самым подчеркивая преемственность новой столицы. Он всерьёз считал Омск новой столицей не только Сибири, но и всего государства. До резиденции Колчака всего-то десять минут хода быстрым шагом.

*План второй Омской крепости. 1803 год.
Материал из фондов Омского государственного
историко-краеведческого музея.*

Хотите ещё важности: во второй половине XIX века на флагштоке над башенкой генерал-губернаторского дворца, трепетал на ветру флаг Российской империи. В ту пору право поднимать государственный флаг и организовывать салюты считалось почётным и его было удостоено малое количество городов: Москва, Петербург, Тифлис, Варшава и Омск, где располагалась резиденция наместника в регионе. В нашем случае таковым являлся генерал-губернатор. Флагшток, к слову, сохранился до сего дня и на него можно взглянуть, если от здания гауптвахты пройти по центральным улицам десять-двенадцать минут.

Так и хочется с придыханием сказать, что уж в этом-то омичи были

если не первыми, то одними из первых, одними из наиболее значимых, главных и самых-самых-самых ценных. Верно? Кажется, и я не удержался, да пошел вместо отыскивания присущих Омску и только Омску чёрточек, бравировать заслугами города. Делаем глубокий вдох и возвращаемся к событиям, в которых Омск не боролся за первенство, но обретал своё лицо и свой характер.

Первое, что приходит на ум, стоя в центре бывшей крепости, так это – театр. И действительно – как из строгого, застёгнутого на все пуговицы, по-армейски сурового города Омск стал одним из театральных городов, на сцене которого в годы войны блистали артисты театра Вахтангова, где начинал свой творческий путь Михаил Ульянов. Когда случился этот переход? Оказывается, всё началось в те времена, когда Омская крепость, первая Омская крепость, не разменяла и шестой десяток. В конце 1764 года или в начале 1765 года, данные разнятся, в крепости уже состоялось первое представление «Оперного дома». Был ли это первый театр в Сибири? Вовсе нет (первый и единственный на тот момент действовал в Тобольске), но для истории Омска, а крепость тогда ещё не получила статуса города, событие оказалось исключительное. Имя Ивана Андреева, служившего в инженерной команде, вошло в историю города, ведь он не просто «заболел» театром, посещая спектакли заезжих труп и выезжая в Тобольск, дабы насладиться театральным действием, но и убедил основателя Второй омской крепости Ивана Шпрингера построить свой театр. Жажда творчества и любовь к искусству порой творят невероятное. Особенно феноменальной упёртость Андреева кажется, если знать, что Шпрингеру в ту пору было вовсе не до строительства театра. Намечалась куда более грандиозная стройка – планировалось возведение новой, второй омской крепости. И вот пока проект крепости готовился к отправке в военную коллегия, нашлось время и на Андреева с его театром. Остаётся только гадать, то ли Иван Григорьевич нашел нужные доводы и подход к грозному Шпрингеру, то ли сам Шпрингер углядел в появлении культурного сооружения важность для крепости. Главное здесь другое – живые люди с их непростыми характерами, увлечениями и чаяниями, образы которых проступают сквозь покрытую сусальным золотом историю в духе «мы первые, мы главные». До места, где когда-то располагался Оперный дом, не более пятнадцати минут прогулочным шагом.

Столько всего интересного рядом, а если перестать ворчать и сетовать на погоню омичей за грандиозными только лишь грандиозными достижениями своего города, мы увидим, что люди интересуются историей. И те самые «чёрточки» и «трещинки», которыми я вас уже замучил, интересны им ничуть не меньше громких событий. Да, людям свойственно тянуться к яркому и известному, но, добравшись до источника свечения, они начинают размышлять над тем, что видят вокруг

и над причинами явлений.

Такова история с Любиной рощей и, конечно же, с легендарной Любочкой. Я иду по улицам Омска навстречу к этой удивительной девушке, навстречу важной и яркой истории, чёрточки, без которой и Омск – не Омск. От здания гауптвахты до Любочки – меньше десяти минут пути. Мысленно я оставляю «зарубки» на улицах, отмечая, о чём же расскажу и куда вернусь в ходе повествования, но моя цель не здесь. Любочка сидит на лавочке на самой оживлённой пешеходной улице Омска. Сидит себе, читает книгу. Если подойти поближе, станет видно, что у неё в руках томик со стихами Пушкина. И не важно, что сама она – из металла, как и лавочка и книга... Любочка – один из самых известных памятников Омска, один из символов города на Иртыше, и стоит узнать о ней совсем немного, она перестаёт быть «одной из».

Любовь Фёдоровна Львова, появилась в Омске в 1851 году вместе с мужем – Густавом Христиановичем Гасфортом, которого назначили в этот беспокойный край генерал-губернатором. Разница в возрасте между ними была значительная – тридцать пять лет. И всё же для потрёпанного жизнью Густава Христиановича она была шансом на новую жизнь.

Любовь Гасфорт

Надо заметить, что карьера Гасфорта была стремительной. От военного фельдшера, занимавшегося лечением лошадей в кавалерийских подразделениях, до генерал-губернатора, человека знатного и уважаемого.

За плечами – наполеоновские войны и масса иных походов, семейная трагедия (первая жена умерла незадолго до главного назначения).

С этим багажом успехов и неудач, горестей и радостей, Гасфорт и прибыл в Омск. Оказавшись в городе, хваткий и деятельный генерал-губернатор принялся приводить Омск в надлежащий вид. В ту пору никакого столичного лоска в городе не было, при Гасфорте же началось строительство и благоустройство. Словно после долгих мытарств и сражений боевой офицер наконец решил остепениться и украшал свой дом, свою последнюю пристань. По мнению краеведов, Гасфорт вполне мог быть инициатором строительства генерал-губернаторского дворца в Омске. Того самого дворца, над которым развевался флаг Российской Империи. Во дворце планировалось принимать царственных особ, что само по себе показывало амбиции Омска и его руководства.

Г.Х. Гасфорт

Но всё это – видимая часть работы, которую предполагал провести Гасфорт. Его идея создания усреднённой религии, которая бы сочетала в себе черты христианства с исламом и стала бы своего рода «религией порубежья» на границе России и степи, смутила и напугала многих в

коридорах власти. Но каков был замах – примирить степных соседей и русских титаническими культурными и религиозными сдвигами.

Молодая жена во всём помогала мужу, вот только в Омск уроженка Твери, Любовь Фёдоровна, приехала с больными лёгкими, а пребывание в суровых климатических и бытовых условиях усугубило болезнь.

В Тверском художественном музее и поныне хранится портрет этой юной особы, лишь отдалённо похожий на Любочку, изображённую скульптором Сергеем Норышевым. Стальная фигура Любы, кажется, не имеет сходства с портретом, оно и понятно – на момент создания памятника, образ девушки для которого был собирательным, о портрете учёные ещё ничего не знали и внешность Любы оставалась загадкой.

Под конец жизни она была бледная и измождённая – давала знать о себе страшная болезнь, усилившаяся от омского климата и гарнизонного быта вокруг. Люба кашляла кровью и с каждым днём её состояние становилось всё плачевнее. Говорят, обезумевший от горя муж стремился спасти юную супругу и даже приказал высадить рощу, в которой та могла бы отдыхать и дышать свежим воздухом. Такой она и осталась для нас навсегда – молодая, хрупкая, сидящая посреди рощи с книгой в руках. Она умерла в возрасте двадцати трёх лет, а рощу, прозванную Любиной, вырубали в 1903 году, чтобы на её месте построить «Московские торговые ряды».

Из символа любви, которой не помеха возраст, болезнь, и суровая Омская крепость, любви, ради которой растут рощи и сжимаются сердца, Люба стала одним из символов Омска. И уже не столь важно, что Любиная роща начала формироваться ещё до трагических событий, а образ Любочки – верной помощницы своего мужа списан не только лишь с Любови Фёдоровны, но и с третьей жены Гасфорта, на которой он женился через некоторое время после смерти девушки. Генерал-губернатору тогда было 56 лет, а новая избранница, родственница Любы, Надежда Николаевна Львова, как раз и явилась помощницей и сподвижницей. Она открыла в Омске приют для девочек-сирот, названный «Надежда» и занималась благотворительностью. Для потерявшего свою Любовь Гасфорта она стала его последней Надеждой на счастье. После отставки Густав Христианович с супругой прожили 13 лет в браке до самой его смерти.

В 2019 году памятник, аналогичный омскому, появился в городе Оренбурге. Правда, их «Любочка» оказалась странной – через всё лицо сварные швы, малосимпатичная причёска. Люди даже прозвали её «Любочкой Франкенштейна». Но главная проблема оренбургского памятника вовсе не в этом, а в том, что за омской Любой – реальные судьбы жён Густава Гасфорта, история и пульс времени.

Омские памятники – отдельная тема для разговора. Так, например, в 1910 году, когда в России отмечали полувековой юбилей отмены

крепостного права, было решено установить в Санниковском городском детском саду бюст Александра II. Сейчас это практически центр города.

Архитектор представил проект в городской думе и получил тысячу рублей на реализацию. Вопрос об установке бюста, казалось, был решён. Планировалось, что на выбранном месте появится здание судебных установлений, а перед ним расположится бюст царя-освободителя, чьё правление ознаменовало раскрепощение крестьянских масс. Закладка камней в основание будущего здания произошла осенью 1914 года. Шли месяцы и годы. Здание судебного ведомства было построено согласно плану, но лишь в июле 1916 года открыли памятник. Правда, и по сей день исследователи спорят, стоял ли перед зданием суда бюст царя-мироотворца. Судите сами: в июле 1916 года объявляют о его открытии, на планах 1917 года памятник отмечен как существующий, но помимо этого нет ни одного подтверждающего документа, что открытие всё же состоялось. А если величественный Александр II занимал своё место, то куда пропал памятник после революции? Был разрушен большевиками? Казалось бы, вопрос решается штудированием архивов и однажды ответ на него будет получен. Ведь выяснилась же правда о памятнике Лавру Корнилову, который в 1919 году намеревались поставить напротив Сибирского кадетского корпуса. Оказалось, что проект так и остался проектом. Пока же нам остаётся лишь ждать упёртого исследователя, который представит всем фотоснимок или документ и сообщит: он был!

Самая, пожалуй, обыденная история произошла с памятником выдающемуся поэту Александру Сергеевичу Пушкину. В 1937 году в центре Омска была заложена гранитная плита, на которой значилось: «10 февраля 1937 г. Здесь заложен памятник великому русскому поэту А. С. Пушкину 1799-1837». Вот только со временем место Пушкина занял Владимир Ильич Ленин.

Чем объяснялось такое решение, неизвестно, но порой от омичей можно услышать переиначенную байку о памятнике со сменными головами. Помните такую? Дескать, в России так часто меняется власть, а вместе с ней и идеология, что в пору делать памятники, головы к которым можно будет прикручивать в зависимости от ситуации: побеждают красные – будет Ленин, усиливаются монархисты – достаём камень с лицом царя. Некоторые омичи всерьёз считают, что с Пушкиным поступили точно так же – у готовой скульптуры поэта отпилили голову, а вместо неё – установили голову вождя мирового пролетариата. Странная логика, ведь люди, знающие о проекте памятника Пушкину, как минимум неплохо начитаны. Как в их сознании байка постсоветского сатирика наложилась на исторический факт, трудно понять.

Подобное наслоение выдумки на реальные исторические события порой даёт совершенно причудливый результат. Например, история миллионного жителя Омска Павлика Лютикова, родившегося 27 декабря

1975 года, в обыденном сознании переплелась с историями множества других «случайно знаменитых» людей, рассказанными по телевизору и прочитанными в журналах. Каких только версий относительно судьбы мальчика нет: то он «не справился с известностью», то «сменил имя». Словом, неведение будоражит фантазию, а масскульт и телешоу подкидывают нам готовые сюжеты или, скорее, заготовки для них. На самом же деле Лютиков жив-здоров, дистанцировался от громкого звания миллионного жителя и живёт себе. В Омске. Правда, упомянут он здесь исключительно в качестве примера и в одном ряду с массивными памятниками не замечен.

Может показаться, что легенды в Омске слишком пресные. Осторожные даже, словно историки и горожане боятся фантазировать, не могут поверить в то, что в их городе могло случиться что-то неожиданное, небывалое. А за те немногие небывалые факты хватаются, словно за соломинку.

Начинаешь рассказывать, что в Омске на протяжении долгого времени хранилось легендарное знамя дружины Ермака, которое покорителю Сибири даровали когда-то купцы Строгановы, и тут же одёргиваешь себя: не перегни палку. Ведь сказав «А» нужно говорить и «Б» – как в октябре 1918 года атаман Анненков забрал знамя из Никольского казачьего собора и увёз в неизвестном направлении. Следы реликвии были утрачены. И всё – подстрелил историю на взлёте, не дал ей развернуться, не выстроил ни одной версии, где могло оказаться знамя. И ведь это не самая громкая пропажа, но могла такая легенда получиться. «Эх ты, Сан Саныч, – скажете вы. – Мог ведь связать эту историю с Воскресенским собором, например, порассуждать о гибели Ермака». Мог, конечно, но порой такая оборванная история – всё равно, что обрывок древней рукописи, случайно найденный и прочитанной до места обрыва, до самого интересного. Было знамя, а потом пропало – и всё тут. Ни добавить, ни убавить. Да и незачем, ведь иногда, добавляя «перца», мы рискуем превратить легенду в совершенно нереалистичную байку.

Так стало, или едва не стало, с легендой о золоте Колчака. Каждый второй, да что уж там – каждый, кто приезжает в Омск с туристическим интересом или же по работе, спрашивает: «А что там с золотом Колчака? Нашли?». Словно бы жители Омской области поголовно знают ответ на животрепещущий вопрос, но молчат. Молчат, а потому золото Колчака, как библиотека Ивана Грозного и золото партии остаётся мифической пропажей, которую когда-нибудь найдут. А пока – гадаем, строим гипотезы.

А гипотез вокруг столько, что впору за голову хвататься. Большинство из них совершенно «беззубые», бездоказательные, то есть. Как вам, например, история о том, что на золото Колчака Гитлер вооружал Вермахт. Скажете – бред? И будете правы, но и такое развитие легенды

существует. Словно до определённого момента история с пропажей золота была цельной и затягивающей, а потом, на какой-то смысловой развилке, каждый взялся фантазировать по мере таланта и склонностей. И повели ниточки сюжета колчаковское золото в Латинскую Америку, в тайный банк иллиуминатов и прочее-прочее. Не проще ли поступить так, как мы сделали с историей о пропавшем знамени Ермака – пропало золото и потерялись следы.

Но тут сама историческая наука не даёт расслабиться и потерять. 12 ноября 1919 года из Омска спешно эвакуировалась белая армия Александра Колчака, а вместе с войсками вывозили эшелоны с золотым запасом Российской Империи. Именно здесь – та смысловая развилка, где всё ещё логично, где каждый рубль подсчитан. Золота везли на шестизначную сумму 645 410 640 рублей. Колоссальная сумма. Неудивительно, что, в период нахождения в Омске, золотой запас стал популярным объектом для того, чтобы изображать Кощея Бессмертного и понемногу чахнуть над ним. Иностранным военным и союзникам к золотому запасу водили экскурсии. Богатство демонстрировал не кто-нибудь, а колчаковский министр финансов Иван Адрианович Михайлов. Министр! Лично!

Но после пленения и расстрела Колчака, его правительство отправило золото в Казань, немалую часть потратили на закупку оружия, а тринадцать ящиков на сумму более семисот восьмидесяти тысяч рублей золотом пропали бесследно.

На этом поезд здравого смысла окончательно ушел с развилки и его мы в этой истории навряд ли отыщем. О том, куда делось золото, гадают до сих пор. Одни говорят, что его стоит искать в подземельях (а как же, лучшее место!) под Любинским проспектом в Омске, другие уверяют, что золото было вывезено в Японию и оттуда попало в зарубежные банки, третьи уверяют, что его вывезли белочехи. И каждый хотел бы его найти. Нам же остаётся занудно и скучно констатировать – пропало золото. Но ведь его можно воспринимать и как повод поговорить о судьбах людей, города, страны.

Кажется, ещё час назад я стоял возле памятника Фёдору Достоевскому, разглядывая Воскресенский собор, и вот уже всё смешалось: Азиатская школа, Любочка, Оперный дом, золото Колчака, знамя Ермака, суровый Шпрингер и деятельный Гасфорт. Так обычно и бывает, когда речь заходит о большом городе с непростой судьбой. Его образ мы обрисовали лёгкими чёрточками, все трещинки разглядели. Самое время отправляться в дальнейший путь по улицам Омска и отыскать его легенды и занятные истории, сокрытые от обывателя.

Простите, Любовь Фёдоровна, что отвлек. Читайте, в вашей книге как раз вот-вот появится «Товарищ, верь: взойдет она, \ Звезда пленительного счастья...» – то самое стихотворение, из-за которого

Пушкин едва не отправился по Аёвскому волоку. Впрочем, это совсем другая история, да и издание Пушкина другое. В ваше время, госпожа Гасфорт, такое никто бы не решился публиковать. Читайте...

Автор- Александр Тихонов